

Сказка Калиф-аист

Было это давным-давно, в незапамятные времена, в далеком городе Багдаде.

Однажды, в прекрасное послеобеденное время, калиф багдадский Хасид предавался отдыху. Он даже успел немного вздремнуть, утомленный дневным зноем, и теперь был в самом лучшем расположении духа. Полеживая на диване, он курил длинную трубку розового дерева и попивал кофе из чашечки китайского фарфора. Кофе был отличный, и после каждого глотка калиф от удовольствия поглаживал бороду. Словом, он был, что называется, наверху блаженства. В такой час ему что хочешь говори, о чем хочешь проси, — калиф все выслушает благосклонно и ни на что не разгневается.

Это отлично знал великий визирь калифа — Мансор. Поэтому он всегда являлся к калифу со всеми делами и просьбами в час его послеобеденного отдыха.

Так было и в тот день, о котором идет речь. Визирь пришел в свое урочное время, но только на этот раз он не стал просить за виновных, не стал жаловаться на правых, а низко поклонился калифу и молча отошел в сторону.

Калиф очень удивился. Он выпустил изо рта трубку и сказал:

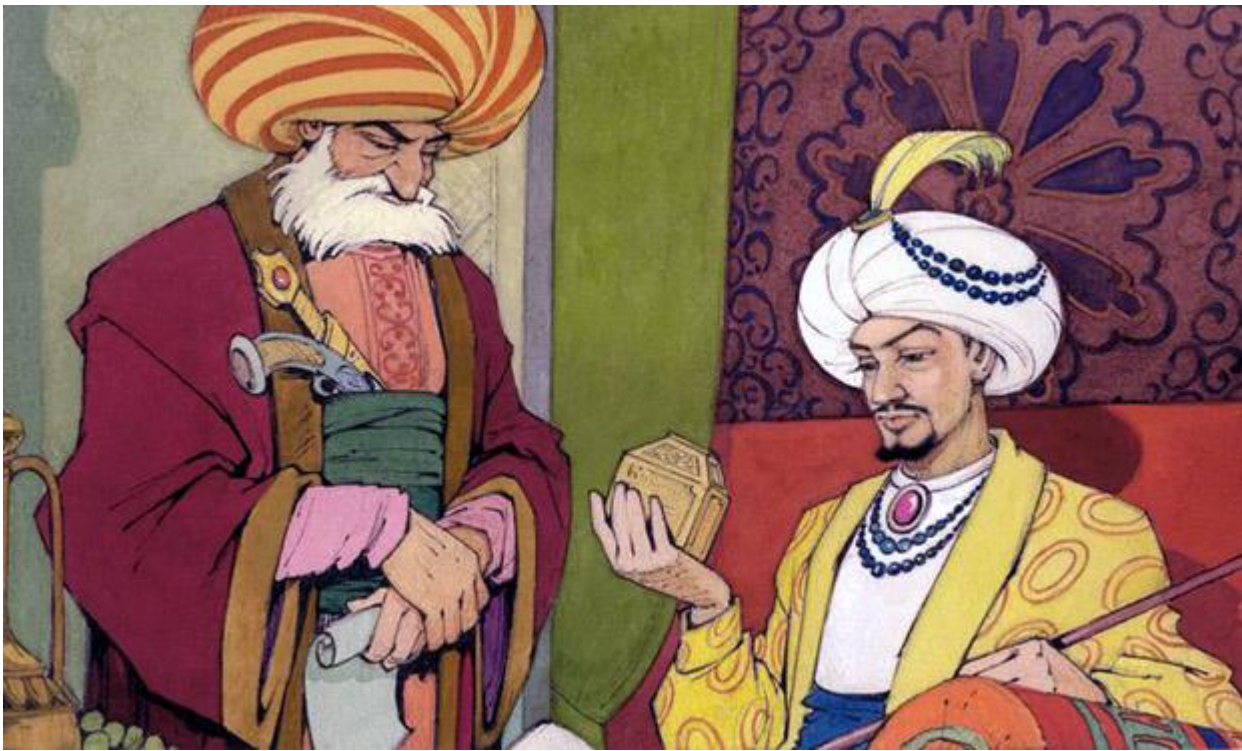
— Чем озабочен ты, великий визирь? Почему на лице твоём такая печаль?

Визирь скрестил руки на груди и, низко поклонившись своему повелителю, сказал:

— Великий государь! Я не знаю, печально ли мое лицо или нет, но хорошо знаю, что у ворот дворца стоит бродячий торговец со всякими диковинными товарами. И еще знаю что я не могу купить у него даже самую ничтожную безделицу, потому что мне нечем за нее заплатить.

Но недаром о калифе шла слава, что, пока в чашке у него есть кофе, а в трубке табак, — милости его нет конца.

Тотчас кликнул он раба и приказал привести торговца свои покои.

Торговец пришел. Это был маленький тучный человечек, одетый в рваное тряпье, с тяжелым сундуком за плечами. Торговец поставил сундук у ног калифа и открыл крышку. Великий аллах! Чего только тут не было! И ожерелья из жемчуга, и самоцветные перстни, и оружие в серебряной оправе и золотые кубки, и роговые гребни.

Калиф и визирь все пересмотрели, все перетрогали, а потом калиф выбрал себе и визирю по красивому кинжалу, а для жены визира — гребень, разукрашенный сверкающими камнями.

О цене он даже не стал спрашивать, а просто велел насыпать торговцу полный кошель золота.

Торговец хотел было уже укладывать свои товары в сундук, как вдруг калиф увидел маленькую коробочку вроде табакерки.

— А это что такое? — спросил калиф. — Покажи-ка!

Почтительно склонившись, торговец протянул коробочку. С виду в ней не было ничего примечательного, но когда калиф открыл ее, он увидел, что коробочка до краев полна каким-то черным порошком, а сверху лежит пожелтевший клочок пергамента, весь испещренный непонятными знаками.

— Скажи мне, что тут написано? — спросил калиф.

— Да простит меня великий повелитель, но этого никто не знает, — сказал разносчик. — Много лет тому назад один богатый купец дал мне эту коробочку, а сам он нашел ее на улице священного города Мекки. Если господин пожелает, я готов отдать эту безделицу даром, ибо какая же ей цена, если никто не знает, на что она годится.

Калиф был большой любитель всяких редкостей, даже тех, в которых ничего не понимал. Поэтому он взял коробочку, а разносчику прибавил еще десять золотых монет и милостиво отпустил его на все четыре стороны.

Разносчик ушел, а калиф все еще вертел коробочку, словно пытался разгадать тайну, которая в ней была заключена.

— Однако неплохо бы узнать, что тут такое написано, — сказал он, рассматривая со всех концов клочок пергамента. — Не знаешь ли ты, визирь, кто бы мог прочесть эти письма?

— Всемиловейший господин и повелитель, — ответил визирь, — у Большой мечети живет человек, по имени Селим, по прозвищу "Ученый". Он может прочесть

всякую книгу. Прикажи позвать его, — может быть, он проникнет в тайну этих загадочных знаков.

Калиф так и сделал.

Само собой разумеется, что ему не пришлось долго ждать Селима, — если тебя требует к себе сам калиф, ноги несут тебя так же быстро, как птицу крылья!

И вот когда Селим явился, калиф сказал ему так:

— Послушай, Селим, люди говорят, что ты человек мудрый и ученый. Взгляни-ка на эту рукопись — может быть, ты разберешь, что тут написано. Если разберешь — получишь от меня новый халат, а не разберешь — получишь двенадцать палочных ударов по пяткам, за то что люди незаслуженно именуют тебя Ученым.

Селим поклонился и сказал:

— Да исполнится воля твоя, о господин!

Долго рассматривал он пожелтевший листок и вдруг воскликнул:

— Прикажи меня повесить, господин, если это не по-латыни!

— Что ж, по-латыни так по-латыни, — милостиво сказал калиф. — Говори, что там написано!

Слово за словом Селим стал переводить загадочные письма.

И вот что он прочел:

— "О смертный, ты, который держишь в своих руках этот клочок пергамента, возблагодари аллаха за его милость. Ибо вместе с этим ничтожным клочком пергамента ты держишь в своих руках великую тайну: если ты понюхаешь черный порошок из этой коробочки и произнесешь священное слово: "Мутабор" — ты можешь обернуться всяким зверем лесным, всякой птицей небесной, всякой рыбой

морской и будешь понимать язык всех живых существ на земле, в небе и в воде. Когда же ты пожелаешь снова принять образ человека, поклонись три раза на восток и снова произнеси священное слово: "Мутабор". Но горе тому, кто, приняв образ птицы или зверя, засмеется. Заветное слово навсегда исчезнет из его памяти, и уже никогда не стать ему снова человеком. Помни об этом, смертный! Горе тому, кто смеется не вовремя!"

Калиф был очень доволен. Он взял с ученого Селима клятву, что тот никому не откроет этой великой тайны, подарил ему халат не хуже своего и отпустил с миром домой.

Потом он сказал своему визирю:

— Вот это славная покупка! Теперь я буду знать, о чем говорят в моей стране даже птицы и звери. Ни один калиф, с тех пор как стоит Багдад, не мог похвалиться таким могуществом! Приходи ко мне завтра пораньше, пойдем вместе погулять, понюхаем чудесный порошок да послушаем, о чем творят в воздухе и воде, в лесах и долинах.

На другой день, чуть только калиф успел одеться и позавтракать, как визирь, послушный его приказанию, уже явился, чтобы сопроводить своего повелителя во

время прогулки.

Калиф сунул за пояс коробочку с волшебным порошком и без всякой свиты, вдвоем с визирем, вышел из дворца.

— Великий калиф! — сказал визирь. — Не пойти ли нам к прудам, что находятся на окраине города. Я не раз видел там аистов. Это презабавные птицы, у них всегда такой важный вид, как будто они первые советники вашей милости. К тому же они очень разговорчивы и постоянно о чем-то болтают на своем птичьем языке. Если ваша милость пожелает, мы можем испробовать наш чудодейственный порошок, послушаем, о чем говорят аисты, а заодно испытаем, каково быть птицей.

— Неплохо придумано, — согласился калиф, и они отправились в путь.

Не успели они подойти к пруду, как увидели аиста. Аист с важным видом расхаживал взад и вперед, выискивая лягушек, и то и дело пощелкивал клювом. Но что он хотел этим сказать, было совершенно непонятно.

Через минуту калиф и визирь увидели в небе другого аиста, который летел прямо на них.

— Клянусь бородой, всемилостивейший государь, что эти длинноногие заведут сейчас прелюбопытный разговор! — воскликнул визирь. — Не превратятся ли нам в аистов?

— Что ж, я не прочь, — согласился калиф. — Только сначала повторим, что надо сделать, чтобы снова стать людьми. Как там сказано? Надо поклониться три раза на восток, а потом произнести: "Мутабор". Тогда я снова стану калифом, а ты визирем. Но смотри не смейся, а то мы пропали.

В это время второй аист пролетел у них над самой головой и стал медленно спускаться на землю, громко курлыкая.

Калиф, которого уже разбирало любопытство, поспешно достал из-за пояса коробочку, взял оттуда щепотку порошка и передал коробочку визирю. Тот тоже отсыпал себе на понюшку. Потом оба зашмыгали носами и, когда втянули весь волшебный порошок, до последней пылинки, громко воскликнули: "Мутабор!"

И тотчас ноги у них стали тонкими, как спицы, длинными, как ходули, и вдобавок покрылись красной шершавой кожей. Их прекрасные туфли превратились в плоские когтистые лапы, руки стали крыльями, шеи вытянулись чуть не на аршин, а

бороды, которыми они так гордились, исчезли совсем. Зато у них выросли предлинные твердые носы, на которые можно было опираться, как на палки.

Калиф от удивления просто глазам своим не верил. Наконец он пришел в себя и сказал:

— Ну и славный же у тебя нос, великий визирь! Клянусь бородой пророка, я в жизни своей не видывал ничего подобного. Для великого визиря такой нос — истинное украшение.

— Вы льстите мне, о мой властелин! — сказал визирь и поклонился. При этом он стукнулся носом о землю. — Но осмелюсь доложить, что и вы ничего не потеряли, превратившись в аиста. Я бы даже позволил себе сказать, что вы стали еще красивее. Но не угодно ли вам послушать, о чем говорят наши новые сородичи, если только правда, что мы теперь можем понимать их речь?

Тем временем второй аист уже спустился на землю. Он почистил клювом свои ноги, оправил перья и зашагал к аисту, который его поджидал.

Калиф и визирь кинулись к ним со всех ног. Правда, они еще не привыкли ходить на таких тонких и длинных ногах, поэтому все время спотыкались.

Они притаились в густых кустах и прислушались. Да! Все было так, как обещала таинственная надпись на пергаменте, — они понимали каждое слово, которое произносили птицы. Это были две вежливые, хорошо воспитанные аистихи.

— Мое почтение, любезная Длинноножка! — сказала аистиха, которая только что прилетела. — Так рано, а ты уже на лугу!

— Мое почтение, душенька Щелкунья! Я прилетела пораньше, чтобы полакомиться свежими молодыми лягушатами. Может быть, вы составите мне компанию и скушаете лягушачью ножку или хвостик ящерицы?

— Покорнейше благодарю, но мне, право, не до завтрака. Сегодня у моего отца званый вечер, и мне придется танцевать перед гостями. Поэтому я хочу еще раз повторить некоторые сложные фигуры.

И молодая аистиха пошла прохаживаться по лужайке, выкидывая самые затейливые коленца. Под конец она поджала одну ногу и, стоя на другой, принялась раскланиваться вправо и влево, помахивая при этом крыльями.

Тут уж калиф и визирь не могли удержаться и, забыв обо всем на свете, громко расхохотались.

— Вот это потеха так потеха! — воскликнул калиф, переведя наконец дух. — Да, такое представление не увидишь ни за какие деньги! Жаль, что глупые птицы испугались нашего смеха, а то бы они, чего доброго, еще начали петь! Да ты погляди-ка, погляди на них!

Но визирь только махнул крылом.

— Великий государь, — сказал он. — Боюсь, что мы не к добру развеселились. Ведь нам нельзя было смеяться, пока мы обращены в птиц.

Тут и калиф забыл о веселье.

— Клянусь бородой пророка, — воскликнул он, — это будет плохая шутка, если мне придется навсегда остаться аистом! А ну-ка припомни это дурацкое слово. Что-то оно вылетело у меня из головы.

— Мы должны трижды поклониться на восток и сказать: "Му... му... мутароб".

— Да, да, что-то в этом роде, — сказал калиф. Они повернулись лицом к востоку и так усердно стали кланяться, что их длинные клювы, точно копья, вонзались в землю.

— Мутароб! — воскликнул калиф.

— Мутароб! — воскликнул визирь.

Но — горе! — сколько ни повторяли они это слово, они не могли снять с себя колдовство.

Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум: и муртубор, и мурбутор, и мурбурбур, и муртурбур, и мурбурут, и мутрубут, — но ничто не

помогло. Заветное слово навсегда исчезло из их памяти, и они как были, так и остались аистами.

Печально бродили калиф и визирь по полям, не зная, как бы освободиться от колдовства. Они готовы были вылезти из кожи, чтобы вернуть себе человеческий вид, но все было напрасно — аистинная кожа вместе с перьями крепко приросла к ним. А вернуться в город, чтобы все видели их в таком наряде, было тоже невозможно. Да и кто бы поверил аисту, что он — сам великий багдадский калиф! И разве согласились бы жители города, чтобы ими правил какой-то длинноногий длинноносый аист?

Так скитались они много дней, подбирая на земле зерна и вырывая корешки, чтобы не ослабеть от голода. Если бы они были настоящие аисты, они могли бы найти себе что-нибудь и повкуснее: лягушек и ящериц тут было сколько хочешь. Но калиф и визирь никак не могли примириться с мыслью, что болотные лягушки и скользкие ящерицы — это самое лучшее лакомство.

Одно было у них теперь утешение — они могли летать.

И они каждый день летали в Багдад, и, стоя на крыше дворца, смотрели, что делается в городе.

А в городе царило смятение. Шутка сказать — среди бела дня исчез сам калиф и его первый визирь!

На четвертый день, когда калиф-аист и визирь-аист прилетели на багдадские крыши, они увидели торжественное шествие, которое медленно двигалось ко дворцу. Гремели барабаны, трубили трубы, пели флейты. Окруженный пышной свитой, на коне, убранном парчою, ехал какой-то человек в красном золототканом плаще.

— Да здравствует Мизра, властелин Багдада! — громко выкрикивали его приближенные.

Тут калиф и визирь переглянулись.

Теперь я все понимаю! — печально воскликнул калиф. — Мизра — сын моего заклятого врага, волшебника Кашнура. С тех пор как я прогнал Кашнура из дворца, он поклялся отомстить мне. Он и торговца подослал, чтобы избавиться от меня и посадить на мое место своего сына.

Калиф тяжело вздохнул и замолчал. Визирь тоже молчал, повесив нос.

— Все-таки не следует терять надежду на спасение, — сказал наконец калиф. — Летим, мой верный друг, в священный город Мекку; может быть, молитва, вознесенная аллаху, снимет с нас колдовство.

Они поднялись с крыши и полетели на восток. Но летели они, как желторотые птенцы, хотя по виду были совсем взрослые аисты.

Часа через два визирь-аист совсем выбился из сил.

— О господин! — простонал он. — Я не могу угнаться за вами, вы летите чересчур быстро. Да к тому же становится темно, не мешало бы нам подумать о ночлеге.

Калиф не стал спорить со своим визирем, он и сам едва держался на крыльях.

К счастью, они увидели внизу, прямо под ними, какие-то развалины, где можно было укрыться на ночь. И они спустились на землю.

Все говорило о том, что когда-то на этом месте стоял богатый и пышный дворец. То там, то тут торчали обломки колонн, кое-где уцелели узорчатые своды.

Калиф и его визирь бродили среди развалин, выбирая место для ночлега, как вдруг визирь-аист остановился.

— Господин и повелитель, — прошептал он, — может быть, и смешно, чтобы великий визирь, а тем более аист, боялся привидений, но, признаюсь, мне становится как-то не по себе. Не кажется ли вам, что тут кто-то стонет и вздыхает?

Калиф остановился и прислушался. И вот в тишине он ясно услышал жалобный плач и протяжные стоны.

Сердце у калифа застучало от страха. Но ведь теперь он был не только калифом, он был еще и аистом. А всем известно, что аист — птица любопытная. Поэтому недолго раздумывая ринулся туда, откуда слышались эти жалобные стоны.

Напрасно визирь пытался помешать ему. Он умолял калифа не подвергать себя новой опасности, он даже пустил в дело свой клюв и, точно щипцами, схватил калифа за крыло.

Однако калифа ничто не могло остановить, он рванулся вперед и, оставив в клюве своего визиря несколько перьев, исчез в темноте.

Но недаром визирь называл себя правой рукой калифа. И хотя теперь у калифа не было ни правой руки, ни левой, визирь не покинул своего господина и бросился за ним.

Скоро они различили в темноте какую-то дверь.

Калиф толкнул дверь клювом и от удивления остановился на пороге. В тесной каморке, едва освещенной слабым светом, проникавшим сквозь крошечное решетчатое окошко, он увидел большую сову. Сова горько плакала. Из желтых

круглых глаз ее текли крупные, как орех, слезы.

Но, увидев калифа и визиря, она радостно вскрикнула и захлопала крыльями — совсем так, как хлопают в ладоши дети.

Потом она вытерла одним крылом слезы и, к великому удивлению калифа и визиря, заговорила на чистейшем арабском языке:

— Добро пожаловать, дорогие аисты! Как я рада вас видеть! Мне давно предсказали, что аисты принесут мне счастье.

Калиф поклонился как можно почтительнее, красиво изогнув длинную шею, и сказал:

— Прелестная совушка! Если я правильно понял твои слова, мы с тобою товарищи по несчастью. Но — увы! — напрасно ты надеешься на нашу помощь. Выслушай нашу историю, и ты поймешь, что мы сами нуждаемся в помощи так же, как ты.

Когда калиф кончил свою грустную повесть, сова тяжело вздохнула и сказала:

— Да, я вижу, что несчастье, постигшее вас, не меньше моего. Вы, наверное, догадываетесь, что и я от рождения не была совой. Отец мой — властитель Индии, а я его единственная дочь. Злой волшебник Кашнур, который заколдовал вас,

заколдовал и меня. Однажды он явился к моему отцу сватать меня за своего сына Мизру. Мой отец очень рассердился и приказал выгнать Кашнура. И вот тогда Кашнур поклялся отомстить моему отцу. Он переоделся в платье раба и проник во дворец. Как раз в это время я гуляла в саду, и мне захотелось пить. Он поднес мне какое то питье, и не успела я сделать глоток, как стала отвратительной птицей, которую вы видите перед собой. Я хотела закричать, позвать на помощь, но от страха лишилась голоса. А злой Кашнур схватил меня и принес сюда.

"Здесь, — сказал он, — ты будешь жить до конца твоих дней, чтобы пугать всех зверей и птиц своим уродством. Впрочем, ты можешь не терять надежды на спасение, — добавил он со смехом. — Если кто-нибудь согласится взять тебя в жены — вот такую, какая ты сейчас, с круглыми злыми глазами, с крючковатым носом и острыми когтями, — ты снова станешь человеком. А пока явится к тебе избавитель, сиди здесь. Может быть, теперь ты пожалеешь о том, что твой отец не захотел выдать тебя за моего сына".

Тут сова замолчала и вытерла крылом слезы, которые снова закапали из ее глаз.

Калиф и визирь тоже молчали, не зная, как утешить несчастную принцессу.

— О, если бы мне снова стать человеком! — воскликнул калиф. — Я отомстил бы за тебя этому отвратительному колдуну! Но что я могу сделать теперь, когда я сам — жалкая, длинноногая птица! — И он горестно опустил свой клюв.

— Государь! — воскликнула сова. — Мне кажется, не все еще потеряно. Забытое слово ты можешь узнать! И когда колдовские чары будут сняты с тебя, может быть, тогда и я избавлюсь от беды. Ведь недаром же мне было предсказано, что аист принесет мне счастье.

— Говори же скорее! Что я должен сделать, чтобы избавиться от колдовства? — воскликнул калиф.

— Слушай меня, — сказала сова. — Раз в месяц колдун Кашнур и его сообщники собираются среди этих развалин в подземном зале. Там они пируют и похваляются

друг перед другом своими проделками, открывают друг другу свои тайны. Я часто подслушивала их. Может быть, и теперь кто-нибудь из них обмолвится и назовет забытое тобой слово.

— О, драгоценнейшая сова! — воскликнул калиф в нетерпении. — Скажи, когда они должны собраться и где этот подземный зал?

Сова молчала с минуту и наконец сказала:

— Прости меня, великий калиф, но я отвечу тебе только при одном условии.

— Говори же, какое это условие! Мы готовы повиноваться тебе во всем!

И калиф вместе со своим визирем почтительно склонили перед ней головы.

Тогда сова сказала:

— Прости мою дерзость, господин, но мне тоже хотелось бы избавиться от колдовских чар, а это возможно только в том случае, если один из вас возьмет меня в жены...

Услышав об этом, аисты несколько растерялись.

Калиф сделал знак визирю, и они отошли в дальний угол.

— Послушай, визирь, — шепотом сказал калиф, — это предложение не из приятных, но, по-моему, тебе следует согласиться.

— Великий калиф! — прошептал визирь в ужасе. — Вы забываете, что у меня есть жена! К тому же я старик, а вы еще молоды. Нет, нет, это вы должны жениться на молодой прекрасной принцессе!

— Откуда же ты знаешь, что она молода и прекрасна? — печально сказал калиф. У него даже крылья опустились, так он был огорчен.

Долго еще они спорили и уговаривали друг друга. В конце концов визирь прямо заявил, что лучше навсегда останется аистом, чем женится на сове.

Что было делать калифу? В другое время он приказал бы казнить непокорного визиря, но сейчас об этом было бесполезно говорить.

Он набрался мужества и, подойдя к сове, сказал:

— Прекрасная принцесса, я принимаю твое условие.

Сова была вне себя от радости.

— Теперь я могу открыть вам, что волшебники соберутся сегодня. Вы пришли как раз вовремя! Идите за мной, я покажу вам дорогу.

И она повела их по темным переходам и полуразрушенным лестницам.

Вдруг навстречу им вырвался откуда-то яркий луч света.

Сова подвела их к пролому в стене и сказала:

— Стойте здесь. Но смотрите, будьте осторожны: если вас увидят — все пропало.

Калиф и визирь осторожно заглянули через пролом. Они увидели огромный зал, в котором было светло как днем от тысяч горевших светильников.

Посредине стоял круглый стол, а за столом сидели восемь колдунов. В одном из них калиф и визирь сразу узнали того торговца, который подсунул им волшебный порошок.

— Ну, сегодня мне есть чем похвастать! — говорил он, посмеиваясь. — На этот раз я провел самого калифа и его визиря. Клянусь аллахом, которым они клянутся, им никогда не вспомнить слова, которое может снять с них колдовские чары!

— А что же это за слово? — спросил один колдун.

— Слово очень трудное, его никто не может запомнить и никто не должен знать. Но вам я открою его — слово это: "Мутабор".

Аисты чуть не заплясали от радости, когда услышали заветное слово. Со всех ног — а ведь ноги у них были предлинные — они бросились бежать, так что бедная сова едва поспевала за ними на своих коротеньких ножках.

Выбравшись наверх, калиф с почтительным поклоном сказал ей:

— О мудрейшая сова, о добрейшая принцесса, тебе обязаны мы своим спасением. Позволь же мне в знак благодарности просить твоей руки.

Потом калиф и визирь поспешно повернулись к востоку и трижды поклонились солнцу, выходившему из-за гор.

— Мутабор! — воскликнули они в один голос.

И тотчас перья упали с них, клювы исчезли, и они стали такими, какими были всегда. От радости калиф даже забыл, что он хотел казнить визиря за непослушание. Повелитель и слуга бросились друг другу в объятия, они плакали и

смеялись, дергали друг друга за бороды и ощупывали свои халаты, чтобы убедиться в том, что все это не сон.

Наконец они вспомнили про сову и обернулись.

И что же! Не сову с круглыми глазами и крючковатым носом увидели они, а красавицу принцессу.

Можете себе представить, как обрадовался калиф!

Если бы он был аистом, он, наверно, пошел бы сейчас плясать и выкидывать разные коленца, совсем так, как аистиха Щелкунья, виновница всех бед, которые свалились на его голову. Но теперь он был уже не аистом, а калифом, поэтому он приложил руку к сердцу и сказал:

— Все к лучшему! Если бы меня не постигло великое несчастье, я не узнал бы теперь величайшего счастья!

И вот, все трое, они отправились в Багдад. И хотя крыльев у них теперь не было, они летели как на крыльях.

Увидев калифа Хасида живым и невредимым, жители Багдада выбегали на улицу, чтобы приветствовать своего владыку.

Правда, и при Хасиде им жилось не очень сладко, но с тех пор, как во дворце поселился злой колдун, им стало еще хуже.

Хасид приказал тотчас схватить калифа-самозванца и его отца — колдуна Кашнура.

Старому колдуну отрубили голову, а его сына Мизру калиф заставил понюхать черного порошка, и тот превратился в аиста. Калиф посадил его в большую клетку и выставил клетку в сад.

Конечно, Мизра мог бы снова сделаться человеком — стоило ему только поклониться три раза на восток и сказать: "Мутабор". Уж конечно, он хорошо помнил это слово, потому что ему было не до смеха.

Но Мизра даже не пытался вернуть себе человеческий вид. Он рассудил — и, пожалуй, рассудил правильно, — что если уж сидишь в клетке, то лучше быть птицей.

Так кончилось это приключение.

Калиф Хасид еще долго и счастливо жил со своей красавицей женой. По-прежнему каждый день, в час послеобеденного отдыха, к нему приходил великий визирь, и калиф охотно с ним беседовал.

Они часто вспоминали минувшие дни, когда они были аистами, и калиф пресмешино изображал, как расхаживал визирь на длинных птичьих ногах, весь обросший перьями, с большим клювом. Калиф становился на кончики пальцев, неуклюже переступал с ноги на ногу, взмахивал руками, словно он тонул, и изо всех сил вытягивал шею. А потом поворачивался лицом к востоку и, низко кланяясь, приговаривал:

— Муртурбур! Бурмуртур! Турбурмур!

Жена калифа и его дети смеялись до слез над этим представлением. Да и сам визирь не мог удержаться от смеха. Он, конечно, не смел передразнивать своего повелителя, но если калиф очень уж над ним потешался, визирь заводил разговор о том, как два аиста уговаривали друг друга жениться на страшной сове. Тут калиф сердито хмурил брови, и визирь сразу смолкал. Так не будем же больше вспоминать об этом и мы.

Сказки на <https://fairytale.site/>